

Олег ГУБАРЬ

РОССИЙСКИЙ ФРЕНСИС ДРЕЙК

Многие мемуаристы воспринимали юную Одессу как некую пиратскую базу. Если даже оставить в стороне то обстоятельство, что на первом этапе становления города и порта тут действительно собралось немало искателей приключений, подлинных джентльменов удачи, есть и другие основания поддерживать подобную версию...

Согласно указу императрицы от 19 апреля 1795 года, среди прочих намеченных мероприятий формировался Греческий дивизион в составе 330 нижних чинов, а общим числом 348 (весной 1797 года — 337 человек, из числа которых 83 непосредственно участвовали в военных действиях в Архипелаге). Фишка вот в чем: 300 человек из этого дивизиона (1795), греки и православные албанцы, незадолго до того служили в легкой флотилии знаменитого средиземноморского корсара Ламброса Качониса (Ламбро Качиони, Каччони, Качони), включая командира этого соединения "флотского майора Константина Бицилли", тоже православного албанца (арнаута), одного из первооткрывателей города и порта. В составе дивизиона и так называемой Греческой комиссии (1796 г.) значится и секунд-майор Евстафий Качиони! Многие связанные с Одессой соратники Качониса и в дальнейшем крейсировали в Черном и Средиземном морях по ходу русско-турецких кампаний, то есть фактически занимались каперством. Так известный историк, "Геродот Новороссийского края" А.А. Скальковский сообщает, что в период Отечественной войны 1812 года "хозяйева купеческих кораблей просили (у герцога Ришелье. — О. Г.) патентов на крейсерство, чтобы вредить французской торговле".

Фигура Ламброса Дмитриевича Качониса в последние годы все больше привлекает внимание исследователей в контексте новой греческой истории, нескольких этапов борьбы Эллады за независимость. Впрочем, до сих пор дебатруется вопрос о происхождении выдающегося корсара: он мог быть не греком, а итальянцем. Сторонники греческой версии полагают, что архаическая форма фамилии — Кассиони, итальянской — что Качиони. И действительно, вторая легенда выглядит довольно убедительно, ибо тогда фамилия (Cassione) переводится буквально как "большая охота", "большой корабль". Кроме того, имя Ламбро этимологически связано с одноименной рекой, на берегах которой расположено Милан. Можно трактовать иначе: Качиони (Качонис) — итальянское прозвище "морского" греческого семейства, трансформировавшееся в фамилию.

Так или иначе, а Качонис — высокочтимый национальный герой Греции. Пишут, что родился он в 1752 году в Ливадии (Беотия), в честь которой впоследствии назвал свое крымское имение, позднее приобретенное новороссийским генерал-губернатором графом М.С. Воронцовым. Никаких внятных известий о его семействе и житье-бытье ранее 1770 года не дошло. В это время Екатерина II решила поддержать сухопутную кампанию против Турции действиями в Средиземном и Эгейском морях и направила в район Ионических островов (так называемого Архипелага) экспедицию русского флота во главе только что произведенного в адмиралы Г.А. Спиридова. Главнокомандующий экспедицией генерал-аншеф Алексей Орлов ожидал прибытия двух эскадр (вторая — под командованием Д. Эльфинстона) в Ливорно. Неясно, почему поступление Качониса волонтером к Спиридову относят к 1769 году, коль скоро российская эскадра прибыла к берегам полуострова Морея лишь в феврале 1770 года (Пелопоннес).

Известно, что будущий корсар вступил в русскую службу вместе со старшим братом, который вскоре погиб в одном из морских сражений — вероятно, во время боя в Хиосском проливе, когда при abordage взорвались оба флагмана: российский "Евстафий" и турецкий "Реал-Мустафа". После Чесменского сражения Качонис в составе Егерского корпуса до 1773 года включительно участвовал в ряде десантных операций против турецких крепостей и портов на Эгейском море. После заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора Ламброс в чине сержанта служил в пехотной части в Керчи, отличился при подавлении татарских восстаний (1777-1778) и был произведен в офицеры.

В 1781 году поручик Качонис принял участие в походе Каспийской флотилии под началом капитана 2-го ранга графа М.И. Войновича к берегам Персии. Войнович — чер-

ногорец и тоже волонтер Спиридова, то есть Ламброс был призван в это новое дело вовсе не случайно. А суть сводилась к тому, чтобы под видом карательной экспедиции против мятежных дербентского и бакинского ханов укрепиться на торговом пути в Хиву, Бухару и далее в Индию. Воспользовавшись междоусобицей претендентов на персидский престол, Войнович попытался построить укрепление на берегу Астрабадского залива, но был вероломно предан одним из них. В числе прочих офицеров Качонис подвергся смертельной опасности, просидев две недели в темнице в колодцах, однако в итоге ситуация благополучно разрешилась. После присоединения Тавриды его возвели во дворянство, а за отличие в Персидской экспедиции произвели в армейские капитаны.

К началу русско-турецкой войны Ламброс имел колоссальный опыт морских десантных операций. В ночь с 10 на 11 октября 1787 года, командуя небольшим греческим отрядом, он скрытно подошел на лодках к большому турецкому судну, стоявшему близ Хаджибея (то есть нынешней Одессы), и успешно захватил его. Трофей переименовали в "Князь Потемкин-Таврический", и впоследствии он активно действовал против прежних своих хозяев в составе эскадры контр-адмирала графа Н.С. Мордвинова.

В это время, сообразясь с опытом предыдущей русско-турецкой кампании, было принято решение о формировании действующих под андреевским флагом на Черном и Средиземном морях подвижных крейсерских отрядов — легких флотилий. Официальные формулыровки избегали вариантов: "каперских", "корсарских", "пиратских", хотя на самом деле Качонис ухитрился потрошить даже суда нейтральных стран. Как бы то ни было, Мордвинов принял деятельное участие в, скажем так, инструкторовании и экипировке Ламброса. В феврале 1788 года он отправился в Вену, а оттуда Триест, имея на руках три российских каперских "аматорских патента", полученных от Потемкина, то есть документы, как бы легализующие его право вести боевые действия на море против судов одной из воюющих сторон и ее союзников. В упомянутом австрийском порту он приобрел свой первый корабль на средства греческой общины. То было трехмачтовое купеческое судно с парусной оснасткой фрегата, которое майор Качонис вооружил 28-ю пушками и назвал в честь императрицы Екатерины "Минервой Северной". Без труда набрал команду и встал на тропу войны, началось его стремительное восхождение к славе.

Действия новоявленного корсара в Архипелаге оказались столь успешными, что возвратившись в Триест на зимовку, он распорядился уже девятью кораблями и 500 волонтерами. А дело в том, что у острова Кефалония к нему добровольно присоединилось два 16-пушечных греческих судна (купеческие суда почти всегда имели вооружение в то смутное время), затем было захвачено два турецких, переименованных в "Великий Князь Константин" и "Великий Князь Александр". Легкая флотилия Качониса свирепствовала даже у входа в черноморские проливы, под самым носом не на шутку встревоженного неприятеля. В Турции поползли слухи о том, что будто бы в Архипелаге действуют регулярные русские эскадры.

Майор Качонис не только вел морские сражения, но захватывал мелкие береговые опорные пункты неприятеля и даже целые острова. Его "морская война" дезорганизовала турецкое судоходство, в частности, подрывала снабжение Стамбула, где вспыхивали голодные бунты. Под горячую руку лихой корсар брал на abordage и суда нейтральных держав, вследствие чего на него ополчились не только иностранные консулы, но и отечественные адмиралы, с которыми он совершенно не считался. Что касается Екатерины II, ее, судя по всему, очень тешили известия об удачах пирата, о пощечинах, которые он то и дело отвешивал ненавистной Османской Порте. Ламброс был для нее тем же, кем Френсис Дрейк для английской королевы. Указом от 24 июля 1789 года императрица произвела Качониса в подполковники за множество подвигов и усердных услуг в Архипелаге.

В апреле 1789 года она победил Дулчинскую эскадру у берегов Албании, бомбардировал значимый албанский порт Дуррес, в июне разгромил противника в проливе меж островами Сирос и Миконос. Короче говоря, флотилия Качониса завоевала господство в Эгейском море. Она, кроме всего прочего, постоянно оттягивала на себя не-

малую часть турецких военно-морских сил и тем самым развязывала руки регулярным русским эскадрам.

Еще до своей кончины, последовавшей 7 апреля, не вполне вменяемый султан Абдул Гамид I (1725-1789) попытался, так сказать, склонить корсара к сотрудничеству, а называя вещи своими именами, подкупить. Действительно, Ламброс набирал внушительную силу — становился не просто капером, союзником России, но возмутителем национально-патриотического движения не только греков, но и югославян. Ему обещали полное прощение за содеянное, наследственное правление на любом из выбранных им греческих островов да еще 200 тысяч золотых. Пряник, разумеется, дополнялся кнудом: мол, ежели Качонис не согласится и не присягнет султану, его ждут серьезные неприятности — скорая встреча с посланными для усмирения несметными силами. Однако корсар проигнорировал это обращение и продолжил свои бесчинства.

В этот как раз момент он захватил турецкое судно, где романтически, в духе "Одиссеи капитана Блада", встретил свою будущую супругу — Ангелину Марию Софиану, дочь турецкого коменданта (грека) одного из островов в Эгейском море. И далее сюжет развивался совершенно в традициях пиратских романов: разумеется, отец не желал отдавать ее за кровожадного пирата, однако жерла орудий всей флотилии, направленные в сторону его резиденции, послужили более чем весомым аргументом к венчанию. Тогда же корсар, по сути, создал в Эгейском море прообраз будущего государства Семи Островов — как бы свое собственное островное княжество с главной базой на острове Зея, включавшее остров Андрос. Близлежащие же острова становились вассалами российской короны.

На смену маразматике Абдул-Гамиду пришел его племянник, энергичный, разносторонне одаренный реформатор Селим III (1761-1808), который, едва придя к власти, приказал любыми путями уничтожить флотилию Качониса. С этой целью турецкие адмиралы задействовали не только собственные ресурсы, но специально снарядили в африканских владениях эскадру из 12 кораблей общим числом в 300 пушек под предводительством печально известного в те годы алжирского пирата Сеит-Али. Таким образом, в числе оппонентов выступили и свирепые мореходы-мавры, то есть арабы типа одесского "корсара в отставке Морали". Алжирские пираты — специалисты со стажем: вспомним, что еще в 1571 году, после успешного сражения испанцев при Лепанто, они пленили и продали в рабство возвращающегося к родным берегам Сааведра Мигеля де Сервантеса.

1 мая 1790 года Ламброса уведомили о появлении турецкой эскадры, состоящей из восьми вымпелов. 5 мая он вывел свою флотилию с острова Зея к Андросу, в 40 милях от которого на следующий день обнаружил 19 вражеских кораблей. Не смущаясь подавляющим превосходством противника, бесстрашный (порой до безрассудства) корсар вступил в бой с эскадрой Мустафа-паши. Сражение, впрочем, ограничилось продолжительной артиллерийской перестрелкой, не имевшей ошутимых последствий. Ночью некоторые соратники Качониса резонно предложили ему ретироваться, однако тот посчитал неприятеля полностью деморализованным, и утром 7-го начал преследование.

Мустафа, похоже, старался избежать сражения и уйти. Не исключено, то был заранее продуманный маневр с целью выманить корсара из его логова. Во всяком случае, на горизонте, в тылу турецкой эскадры, вдруг показалась быстро приближающаяся при попутном ветре свежая алжирско-тунисская флотилия. В отличие от турецкой, она представляла собой реальную силу — Сеит-Али и его люди были того же теста, что и Качонис с волонтерами: пираты схлестнулись с пиратами. Как водится в пиратских романах, сошлись флагманы, однако попытка abordage сорвалась, и тогда все алжирские корабли сосредоточили огонь на "Минерве Северной". Фрегат получил, как принято говорить, несовместимые с жизнью травмы, но продолжал отстреливаться. Ночью греческие галеры сняли экипаж и вынужденно сожгли свой флагман. По ходу боя превосходящие силы алжирских пиратов атаковали и брали на abordage корабли Качониса, жестоко убивая оставшихся в живых.

Мустафа-паша, наблюдая за происходящим, со своими кораблями в деле участия не принимал. Затем соединился с алжирцами и зверски расправился с гражданским насе-

лением островов Зея и Андрос, оказывавшим поддержку побежденным. Раненному в голову Качонису удалось спасти четыре судна (по другим данным — только два), укрывшись на острове Цериго (Китира, Кифера), впоследствии отбитом Ф.Ф. Ушаковым у французов. Этот остров в нижней части Пелопоннеса входит в число Ионических островов, один из главных культовых центров Афродиты.

К августу того же года корсарская эскадра насчитывала уже 21 корабль, однако 11-го числа Россия и Турция заключили перемирие, а 29 декабря подписали мирный договор в Яссах. Все изменилось вдруг. Качонис получил приказ разоружить флотилию, продать часть судов, а другую отрядить для переселения в пределы империи желающих того греков и арнаутов. И три судна из этого числа действительно доставили переселенцев в Севастополь. В целом греки не приняли заключенного мира. Разочарованный Качонис и многие его соратники решили продолжить борьбу. Прославленный корсар отказался выполнять приказ о приводе всей эскадры в Триест с последующим разоружением.

Объединившись с отрядом клефтов, во главе которого стоял Георгий Андруцос, Ламброс в марте 1792 года укрепился в горной области Мани на Пелопоннесе, жители которой веками составляли оплот вооруженного сопротивления завоевателям. Эта область частично совпадала с территорией древней Спарты, а потому маньяты считали себя ее преемниками.

Склонный к авантюрам, отчаянный Ламброс объявил себя спартанским царем, тем самым опосредованно отказавшись от чина полковника российской армии. В своем широко известном манифесте, изданном в мае 1792-го на итальянском языке, он как бы от имени греческой нации объявил о продолжении войны с Турцией и после заключения мира в Яссах. Для базирования своей флотилии он избрал очень удобную бухту с узким входом, Порто-Кайло, у мыса Матапан. Не довольствуясь одной природной защитой, они вместе с Андруцосом основательно укрепили бухту, устроив при входе пять береговых батарей. Базируясь на эту гавань, пираты к этому времени контролировали всё восточное Средиземноморье, нападая практически на любые торговые суда, исключая русские и австрийские (фактически под этими флагами ходили и итальянцы, и югославы, и греки). Здесь, конечно, досталось и французам, тайно или явно содействовавшим Османской Порте.

Селим снова стал собирать силы против ускользнувшего в свое время Качониса. 16 июня 1792 года по новому стилю турецкая эскадра в 20 вымпелов при поддержке французского фрегата "Модест" подошла к Порто-Кайло и принялась методично, в течение трех суток, обстреливать береговые батареи и корсарские корабли. Неизвестно, чем бы дело закончилось, если бы расчетливый султан синхронно не предпринял и других шагов. Так бея области Мани Дзанетоса Григоракиса, располагавшего семитысячным отрядом, принуждали напасть на пиратскую базу с тыла. Кроме того, в Константинополе арестовали 40 видных маниотов, пригрозив казнью, если власти области Мани не выдадут Качониса. Полностью зависимый от Селима константинопольский патриарх устранил маниотов отлучением от церкви, если те будут содействовать "королю Спарты".

Так корсарский король снова оказался в западне. Впрочем, бей Григоракис, как и почти все его соотечественники, сочувствовал Качиони: формально приняв турецкий ультиматум, он предложил ему и его соратникам спокойно пройти через область Мани и укрыться в другом районе Греции. Выбора не оставалось, и тогда пришлось уничтожить и все пиратские суда, и так тщательно устроенные батареи. Большая часть соратников Ламброса сумела выйти из окружения. Что до него, то он предпочел более опасный путь, и в сопровождении крохотного отряда отважно проскочил ночью цепь неприятельских кораблей на маленьком суденышке. Они дошли до острова Киферс, а оттуда до гомеровской Итаки.

В сложившейся ситуации Качонис не имел надлежащей поддержки, ему не удалось найти других судов для крейсирования и завербовать команду в Архипелаге. Многих его друзей и соратников казнили или сослали на галеры, другие томились в турецких тюрьмах, где погиб и Георгий Андруцос, лишь около 150-ти выбрались из турецкого плена. Старшего сына Качониса турки убили, дом разграбили, жену держали в тюрьме, но через полтора года маневрами российской дипломатии ее удалось выволочить. Неприкаянный

корсар вынужден был покинуть Архипелаг и вояжировать по Европе. Независимость, как известно, дорого обходится.

Наконец, в 1794 году Качиони все-таки пригласили в Россию. Воссоединившись с семьей, он в начале октября прибыл в Херсон. 7 апреля указом императрицы была создана специальная комиссия, учрежденная для рассмотрения финансовых претензий и жалоб по его флотилии. Разумеется, объяснения бывшего корсара требовались, но едва ли его вернули только по этой причине. Вероятно, назревала новая война с Турцией, и Ламброс должен был находиться под рукой. Как было уже сказано, вскоре после его прибытия в юной Одессе на базе личного состава корсарской флотилии сформировали Греческий дивизион.

20 сентября 1795 года в Царском Селе на балу по случаю дня рождения цесаревича прибывший из Херсона "полковник Ламбро Качиони" был лично представлен императрице старшим по дежурству камергером князем А.А. Кольцовым-Масальским и допущен "к ручке". Тотчас же стало ясно, что "корсар в отставке" пребывает в явном фаворе.

Скоропостижная кончина императрицы, конечно, подорвала положение Качиониса, и уже 20 декабря 1796 года Павел I распорядился отправить его на Черноморский гробный флот, "в команду контр-адмирала Пустошкина в Одессу". В этом решении, впрочем, видится и здравый смысл: естественно, фантастически опытный военный мореход сделался бы тут колоссальной подмогой. Однако очередная турецкая кампания была отложена, и при таких обстоятельствах Ламброс не видел возможности проявить себя, всячески затягивал отъезд в захолустную тогда Одессу. Поводом оставаться в столице была не завершенная еще работа упомянутой комиссии по финансовым претензиям к его бывшей флотилии.

Когда в 1798 году деятельность комиссии закончилась, то оказалось, что не корсар задолжал казне, а как раз напротив. В результате Ламбросу выплатили огромную компенсацию (более 576 тысяч рублей!), а 31 декабря императорским указом подтверждалось его воинское звание полковника и старшинство в этом чине с 29 июля 1790 года. Еще раньше, 27 марта 1797 года, когда и так уже все стало ясно, Павел подарил ему перстень, подарок сопровождался запиской, где в самых лестных выражениях говорилось о благоклонности и уважении.

Когда осенью 1798 года эскадра Ушакова отправилась в Адриатическое море воевать с французами, Качионис вызвался на собственный кошт оборудовать крейсерский корабль и заняться любимым делом. Павел отреагировал живо и позитивно, ибо уже одно только имя "спартанского царя" воодушевило бы тысячи союзных повстанцев. Но пока Ламброс занимался оснаткой и вооружением своего судна, война завершилась. Ему не суждено было больше пиратствовать на средиземноморских просторах, и он обосновался в Тавриде, в пожалованных Екатериной поместьях. Здесь он прикупил у своих соплеменников еще одно урочище близ Ялты, где и обустроил усадьбу, названную именем родной Ливадии (Левадии). Успешный воин, Качионис преуспел и в делах торгово-промышленных, поставив на внутренний рынок и на экспорт соль из крымских озер, осетрину и белугу, сельскохозяйственную продукцию, в 1799 году основал фабрику по производству виноградной водки.

Знаменитый корсар ушел из жизни в 1805 году далеко не старым человеком. По поводу причины его смерти сложилось мнение об отравлении специально подосланным турецким лазутчиком-мстителем. Считают также, что перед смертью он успел заколоть отравителем княжало. Могила Качиониса в Крыму до настоящего времени не обнаружена. Правда, по одной из сомнительных версий, Качионис умер в Греции, где находился с некоей секретной миссией по сфабрикованным документам. На исторической родине его глубоко и небезосновательно чтят как народного героя. В аутентичной Ливадии установлен памятник, функционирует историческое общество, носящее его имя. Именно Качиониса не раз называли кораблями греческого военно-морского флота.

Несколько слов о родственном окружении Ламброса в Одессе. Его младший сын Александр (1804 года рождения) учился в Благородном институте, как раз в пору реорганизации одного в Ришельевский лицей. Выйдя из этого учебного заведения в 1819 году, служил в российской армии до 1827-го, затем жил и состоял в гражданской службе в Тавриде, за участие в Крымской кампании получил орден Святой Анны 2-й степени.

Анатолий ГОРБАТЮК

ЧЕТВЕРТАЯ СТРАНИЦА СТАРОЙ ГАЗЕТЫ...

Недавно мне подарили старую газету. Датирована она 10 ноября 1987 года и называется "Вечерняя Одесса", а в "подвале" последней (четвертой) полосы стоит подпись: "Редактор Б. Деревянко".

Практически вся четвертая полоса "Вечерки" посвящена откликам на статью Юрия Трусова "По неверной дороге".

Для читателя молодого, которому имя это мало что говорит, поясню: Юрий Сергеевич Трусов, скончавшийся в 1991 году в семидесятилетнем возрасте, — известный в то время одесский поэт и писатель. Особый интерес вызывала его книга "Падение Хаджибея", посвященная рождению нашего города. Правда, по прошествии времени, когда архивные материалы перестали быть прерогативой узкого круга специалистов, выясняется, что в трилогии далеко не все соответствует исторической правде.

Авторы откликов в газете на статью Ю. Трусова — выдающиеся краеведы, историки, непрекаемые авторитеты в вопросах исследования истории нашего города, о каждом из которых невозможно не сказать хотя несколько слов: Александр Иванович Третьяк, выдающийся историк и документалист, доцент Европейского университета; известнейший краевед и коллекционер открыток, гравюр, фотографий и архивных материалов по теме "Одессика", ветеран Великой Отечественной войны, ушедший от нас десять лет назад, Владимир Адамович Чарнецкий; неутомимый исследователь одесской старины, обладатель поистине энциклопедических знаний об Одессе, скромно подписавший свой отклик "Член бюро секции "Одессика", Олег Иосифович Губарь; член Союза журналистов СССР Владимир Георгиевич Николаев, известный редактор одесских газет, не раз смотревший смерти в глаза участник Великой Отечественной войны, скончавшийся весной 1990-го; Борис Абрамович Владимировский, кандидат искусствоведения, многолетняя гордость Одесского литературного музея, руководитель киноклуба, автор великолепных газетных статей, проживающий сегодня в США, но ни на день не прерывающий связей с родным городом...

Так что же заставило этих знаменитых одесситов поздней осенью 1987 года вступить в полемику с Юрием Сергеевичем Трусовым?

Ответ прост: все они встали на защиту Первого одессита, основателя нашего города Иосифа де Рибаса. И не только его: под уничижительную, безжалостную критику Юрия Трусова так же неожиданно попали и Ришелье, и Ланжерон...

Самым удивительным (заметьте в скобках — и необъяснимым) является тот факт, что в своей книге Ю. Трусов к де Рибасу, если можно так выразиться, "претензий не имеет".

Нельзя не принять точку зрения А.И. Третьяка ("И вновь на тропинку"): "Ни русский адмирал де Рибас, ни тем более А.-Э. Ришелье, А.Ф. Ланжерон и М.С. Воронцов... не нуждаются в какой-либо защите...", а дело в "...гражданском и общественном самосознании одесситов наших дней..."

Довольно подробно А. Третьяк рассматривает выдвинутое Ю. Трусовым обвинение де Рибаса в нечестности. Вопрос, что называется, "с бородой", — как справедливо отмечает А. Третьяк, "...Одессе еще не было ни на одной карте мира, и даже место, где ей суждено было начать свое стремительное развитие, мыслилось более чем абстрактно, а у несуществующего города были уже противники". Отсюда — люта ненависть, в первую очередь, к де Рибасу со стороны графа Ф.В. Ростопчина, распускавшего клеветнические домыслы о главном основателе Одессы. Печально, что грязные эти сплетни становятся главными (если не единственным) доводом Ю. Трусова. Как утверждает Ростопчин, "Никогда еще преступление не поднимало головы так высоко. Безнаказанность и дерзость достигли апогея... То, что крадет один только Рибас, превышает 500000 рублей в год. Он добился утверждения проекта сооружения порта... в Хаджибее, прозванном Одессой". Приведенную цитату из Ростопчина (на нее ссылается "обличитель" де Рибаса) в своей книге "Дитя Европы" я

панная бриллиантами... Возмущение В. Чарнецкого вполне понятно. "Как можно приводить высказывание Ростопчина, — недоумевает Владимир Адамович, — и не упоминать о том, что он был врагом идеи основания города на месте Хаджибея, врагом де Рибаса? Что основанию Одессы, вместо Очакова, мы обязаны "интригам" де Рибаса?..." В. Чарнецкий не оставляет без внимания и, мягко говоря, "неудовлетворение" Ю. Трусова происхождением Рибаса, Ришелье, Ланжерона — одни, мол, иностранцы. Впервые слышать в многонациональной Одессе, которую создавала вся Европа, подобное, и в последний ли раз возвращаемся мы к этой теме?...

Вернемся к "Зигзагу удачи" В.Г. Николаева. "Публицист Трусов выступает против писателя Трусова. Очень интересное явление в местной литературе!" — саркастически восклицает Владимир Георгиевич. "Были... в нашей фольклорной студенческой копилке" песни, думы, сказания о взятии Хаджибея, — рассказывает он далее, — и о героях боев с турками. Трубников, Головатый, Чепега, Белый — их добрым словом поминал народ, но часто поминал и де Рибаса,

Как Рибас свет Михайлович

Хаджибей воевал,

Хаджибей воевал, Бусурманов погнал..."

И продолжает: "Переименовывали улицу Дерибасовскую. Не получилось!.. Видно, сильна память народная. А в народе де Рибас... всегда слыл героем Хаджибея, первостроителем Одессы, храбрым, веселым и остроумным. Настоящим одесситом..."

Возвращаясь к теме "свои — чужие", Б. Владимировский подчеркивает, что у Ю. Трусова "чужие" — все подряд монархисты и аристократы (в качестве одной из самых страшных улик излагается родословная де Рибаса). "Свои" — сплошь республиканцы и демократы". Задается не слишком простой вопрос оппоненту: "Но как тогда быть с участием Суворова в разгроме польского восстания, в подавлении пугачевского мятежа?..." Далее идет цитата о "главном свидетеле обвинения" Ростопчине из дореволюционной энциклопедии: "Крайний консерватор и ревностный защитник крепостного права, нередко прибегал к насильственным, мало извинительным мерам". Вот это действительно довод. А чему удивляться: профессионал — он профессионал и есть...

Очень обидно, что прах выдающихся личностей, без участия которых Одесса бы просто не состоялась, лежит не в одесской земле. Я имею в виду и замечательного голландского инженера, ближайшего помощника де Рибаса Франца Павловича де Волана, по плану которого и построен наш удивительный город. Он умер в Санкт-Петербурге в 1818 году, пережив своего патрона на 18 лет, и похоронен в этом городе на Волковом лютеранском кладбище.

К сожалению, участники обсуждения статьи Ю. Трусова его даже не вспомнили, и это в какой-то мере объяснимо: замалчиваемое в годы советского лихолетья имя де Волана получило достойное звучание только в конце XX столетия, во многом благодаря уже покойному одесскому исследователю Н.Г. Глеб-Кошанскому, проводшему огромную работу в архивах Одессы и Санкт-Петербурга и показавшему истинное значение деятельности Франца Павловича во благо нашего города рождавщегося города. Организованный усилиями Николая Григорьевича музей Одесского морского порта носит имя де Волана.

Думается, что мы, одесситы, должны сделать все возможное, чтобы могилы де Рибаса и де Волана, несмотря на разделяющие нас кордоны и расстояния, всегда были в должном состоянии. С этой задачей при поддержке горисполкома вполне может справиться Всемирный клуб одесситов, тем более имея филиал в Санкт-Петербурге. Занимаясь реставрацией могилы де Рибаса (точнее, ее возрождением из небытия после варварского уничтожения) в 1989 году, я услышал немало достаточно едких замечаний по поводу того, что надгробная плита на могиле основателя Одессы никогда не видела принесенных цветов...

Вот такие мысли посетили меня поздней осенью 2010 года при чтении четвертой страницы старой одесской газеты...